

Драма, не драма, конец не конец. (Сцена жизни)

Михаил обрадовался приезду Антона, привёл его к себе в дом, где Марта приветила старого друга, как родного. Со студенчества знала его жену Сару и не забылась её доброта там, на Севере, когда дети у них были маленькими, а сами до невозможности молодыми. За ужином, за большим столом Антон сидел в окружении семьи Михаила. Подала к столу на блюде запечённого большущего сазана очаровательная Марта, так в молодости он её называл и не иначе, тут же за столом их женатый сын с симпатичной невесткой Ариной и полуторогодовалой дочкой Маней, Мишиной внучкой, а ещё дочь Лада – семнадцатилетняя барышня красавица, будто на резном станочке выстругана. Всех он знал, все знали его и мило улыбались Антону, привечали, а тому вдруг сделалось тошно, хотелось перевернуть этот стол, и треснуть Михаилу в ухо. – «Прошло полгода, нет и в помине общежития, правда, квартира скромненькая, но уже обжитая, молодёжь, дети и он, его друг, Мишка, сидит главным и довольным, и Марта вьётся около него. Всю жизнь вьётся, а он заслуживает такой любви, вот этого стола с детьми? Господи, сам-то я что искал? Здесь всё так просто и так хорошо, отчего же я неспокоен и глаза мои на них не глядят?»

Всё другу юности устроил Михаил – на работе в вагончике рядом поставил стол для него – главного инженера, познакомил с руководителями от заказчика и генподрядчика, представил как своего зама и друга, провёл по площадке, правда, взятой пока в аренду, где сварщики, укрывшись за щётками высекали яркие дуги и монтажники колотили по металлу. Антон хорошо знающий работу, взялся разобрать и систематизировать чертежи, но с головой окунуться не получалось, голова оставалась сама по себе, ворчала и бурчала: – «И это жизнь? Начинать сначала. Позади только сожжённые мосты, жизнь в прах... Я хотел, как самурай, раз и хакарири! А теперь тяну резину, работать собрался за смешную зарплату, денег-то у Мишки нет, да и с какой стати на него работать? Замыслы его исполнять, помогать. Однако он меня от души приветил, старается устроить мою жизнь – обещал квартиру, знает, что я остался без угла, и ведь сделает. Уже сейчас снял целую квартиру в гостинице, напротив себя поселил, каждый день к ужину ждёт – по-семейному чтобы, а мне укор, как бельмо на глаз, дескать, вот ты своих растерял, а я всех около себя собрал. Нет, он так не говорит, но наверняка думает. Вчера на кухне к ужину картошку для Марты чистил, а она всё о Саре спрашивает, когда приедет да когда приедет. А потом, когда уходил, неожиданный вопрос задала: «А ты сам-то собираешься здесь оставаться?» – «Ну, да», – схитрил, отвечая ей, а она: «Поверю тебе только, когда Сара сюда приедет!» – «Ты права. Всё решится, когда приедет Сара»... А себя поймал на мысли: «Она не приедет, я ей не сообщал, что в Калининград поехал, выходит – соврал Марте, соврал. Пусть милая женщина остаётся в неведении»...

Этим вечером Антон не пошёл к Пуховым, отнекиваясь желанием прогуляться по городу, и действительно поехал автобусом из Южного посёлка в центр, а спутником его было не проходящее отчаяние, которое держало его за горло с того кошмарного утра, когда он избитый и обобранный до нитки ощутил, как земля, ушла из-под ног, как разверзлась перед ним бездна. И не за что зацепиться, ни ногой, ни рукой не нащупывается хоть маломальский уступ, но самое ужасное –

искать его самому уже не хотелось, да и теперь не хочется. Вот почему Антон, шагая по вечернему главному проспекту Калининграда, думал об одном – сегодня пришёл его час и он должен прекратить бессмысленную муку, которой стала его жизнь, властвующую опустошённость, что было – не будет, на смену солнцу пришла темнота, а бесконечный мрак души жизнью не является.

Антон ещё раньше присмотрел Богом забытое несуразное здание – дом Советов, которое стояло мёртвым памятником месту разрушения былого великолепия, ему показалось символичным сброситься с высоты этой постройки и умереть. Окинул взглядом город: на проспекте весело зажглись фонари, а над головой на старом дереве созревали каштаны. – «На севере каштаны не выживают, как грустно!» – мелькнула и пропала посторонняя мысль. По ступенькам архаичного здания медленно поднялся на верхний этаж, оглядывая запущенность и захламлённость помещений, ломая голову над противоречием – желанием смерти и сомнением, физическая сила жизни искала причины не делать смертельного шага. С высоты увидел, на то и живые глаза на лице, как люди чёрными горошинами перекатываются во все стороны, кто куда, демонстрируя броуновское движение не на опыте, а в действительности, он же не с ними. Выпал из несущегося за счастьем общества, вечного в борьбе за престиж, за удовольствия, за достаток, ему больше от них ничего не нужно, он сам себя навсегда изгоняет из жизни. Кому сдался пустой, расколотый орех, без сердцевины, кому сдалась его скорлупа? Всё кончено. И к лучшему. И всё же... И всё же... Его тело будет изувечено, переломаны кости, голова вдрызг и всё лучшее на асфальте! Нет, нет и нет – кричало за тело и за себя умная голова, как-нибудь иначе, иначе... И Антон не выдержал, побежал вниз по ступенькам, промахивая их длинными ногами, скорее назад на главную улицу города сверкающую вечерними огнями.

В обычном дне наступило время обеденного перерыва. Марта разогревала обед и быстро раскладывала на столе приборы, салфетки, хлеб, соль. Задерживаться дома нельзя – она ездит на работу в автобусе без привилегий жены директора, приходится успевать и всё делать быстро, иначе оставят за бортом, ждать не будут, и работа, и отдых точно по расписанию.

– Марта! Антон не вышел на работу, телефон его не отвечает, боюсь, не случилось ли что, – голос у вошедшего на кухню Михаила тревожно вибрировал. – «Мало ли, возможно проспал. Он вчера ушёл гулять в город, поздно вернулся – вот и проспал. Он же взрослый мужчина, что с ним будет?» – успокаивала мужа Марта. – «А я не спокоен. Здесь что-то не так. Он бы прозвонился, но гудок не проходит, похоже у него телефон отключен. Не знаю, но я в растерянности, вдруг что-то случилось?» – «Гостиница через дорогу, пойдём к нему сходим, скоренько пообедаем и пойдём» – предложила Марта. – «Пошли немедленно. Обед подождёт. Да не копайся ты, Марта, поторопись, пожалуйста!»

Михаил и Марта долго звонили и стучали, но за дверьми стояла гнетущая тишина, отчего Михаил испугался не на шутку, не понимая, куда мог исчезнуть друг, а Марта в свою очередь не могла взять в толк, чего уж так паниковать, человек не иголка в сене, найдётся. Только они собрались уйти, как за дверью зашаркали шаги, и затем заскрежетал ключ в двери. На пороге стояла лохматая фигура Антона, рыжие патлы стояли торчком, с плеч свисала на не те пуговицы застёгнутая рубашка, спортивные штаны скособочены и на босу ногу надеты короткие тап-

ки. Его неряшливый вид поразил вошедших. Мутные глаза Антона усилили удивление.

– Ну, вот, я говорила – загулял парнишка. Лишку где-то выпил, до сих пор не в себе, – с усмешкой заметила Марта.

– Я не пил.

– Не пил? Тогда почему тебя качает? И глаза выдают, как у кота после валерьянки. Ты нас-то видишь, Антон? – Михаил, усадив друга на кухонный табурет, озабоченно вопрошал, стараясь разобраться – что же здесь происходит?

– Нет, я не пил, я таблеток наглотался, – вяло произнёс Антон.

– Каких таблеток? Зачем? – изумилась Марта.

– Снотворных. Умереть хотел. Жить не хочу, – медленно ворочая языком, говорил Антон.

– Ты хотел покончить с собой?

– Да.

– Но почему? – не понял друга Михаил, – пока человек живой жизнь продолжается. Да, тебе приходится начинать всё сначала, но мы все здесь такие, и не впервой браться за дело с нуля. Мы работаем и живём с надеждой, что потеряли – наживём, эка невидаль. Квартиру я сказал – сделаю тебе, значит, сделаю. Заработаем на твою квартиру, возьмём у строителей в долг и постепенно рассчитаемся. Живи и радуйся, а ты? Что ты наделал, дурак? Что ты наделал? Что нам теперь с тобой делать? Марта, его же спасти надо! – одновременно сострадал и ругал Антона Михаил.

– Миша, я позвоню Валентине Афанасьевне, главному бухгалтеру, у неё муж где-то в медицине работает, посоветуемся – как быть?

Скоро появилась врач психиатр, Валентине Афанасьевне дальняя родственница, женщина лет сорока со строгим лицом и внимательным взглядом больших чёрных глаз. Она увела Антона в комнату для беседы один на один, ей нужна была откровенность пациента, чтобы определить его состояние. Антон, не скрывая ничего, рассказал ей всё, что с ним произошло, добавив:

– Приехал к Мишке, он, конечно, плебей, но надёжный, положиться на него можно, похоронил бы меня с почестями, с памятником и жену с сыном вызвал, телефон их я в записке написал. А он, подлец, умереть не дал. Я очень одинок. Здесь, в груди, сплошная тоска! Отпустите меня, я больше не буду...

Врач вернулась на кухню, где её ждали с нетерпением Михаил и Марта:

– Я вызываю машину «скорой помощи». Его необходимо госпитализировать и срочно, медлить нельзя, дозировка принятого лекарства слишком большая, хотя таблетки не смертельные, но другого пути у меня нет. Я не имею права оставить его здесь без оказания медицинской помощи.

– Может достаточно будет промыть ему желудок? – робея спросила Марта и замолчала встретив строгий взгляд доктора, – Куда его? – спросила, отводя глаза от доктора в окно, со страхом догадываясь, куда увезут Антона.

– В психиатрическую лечебницу.

– Надолго? – это Михаил спросил, и в голосе слышалась тревога.

– Как пойдёт лечение. У него глубокая депрессия, суицид – это не шутка. К тому же это вторая попытка, и с его слов мысли о смерти не покидают его. Необходимо помочь ему, самостоятельно ваш друг из депрессии не выйдет.

Михаил был потрясён:

– Вторая попытка? Не может быть. Когда и где?

– Вчера. Ваш друг специально приехал к вам, чтобы здесь завершить жизнь. Другого места, где бы его приняли, он не нашёл. Будьте с ним осторожны, Михаил Иванович, он вам привёз свой ужас, и, если бы ему удалось суицид, то вам хватило бы его поступка на всю оставшуюся жизнь, – в ожидании скорой доктор говорила без излишних эмоций. Зато у Михаила их было через край:

– Как же так? – недоумевал он, – как же так? Мы на работе только-только почувствовали себя командой, взялись за серьёзное дело, а вместо этого полиция, похороны, всем известно, он же мой друг. – Повесил голову Михаил, понял – недобрый знак подал ему Антон.

По возвращению домой Михаил заговорил:

– Доктор дала мне телефон Сары, ты уж сама, Марта, позвони ей, я сильно удручён таким поворотом, а мне надо быть на работе. Тебе придётся остаться дома, мало ли ещё что-либо понадобится. Ну, пока, – чмокнул Марту в макушку и чуть сторбившись, пошёл к машине.

Марта долго не могла дозвониться в Эстонию, и, наконец, услышала голос Сары:

– О чём ты говоришь, Марта? Приехать в Калининград? Нет, я не могу, у меня работа, дача, самый сезон, у меня своя жизнь отдельная от Антона. Мы давно вместе не живём, он сам по себе, я сама по себе. Пусть и дальше наслаждается жизнью.

– Сара, ты не поняла, Антон в больнице!

– Ну, и что? Я тут при чём? С кем гуляли, с кем и пили, с тем пусть строит корабли...

– Ты ему жена или не жена? Я что-то вас не понимаю. Вы в разводе?

– Де факто – да, де юро – нет. Жена ли я ему? Сама не знаю. Знаю, что не нужна была, столько лет обходился без меня.

– Сара, он не просто попал в больницу, он в психиатрической лечебнице. Он пытался покончить жизнь самоубийством. Надо приехать. Подумай и позвони, если решишься. Не молчи! Сара!

После паузы, Сара сказала:

– Я приеду с сыном Денисом. Рейс позже сообщу. До встречи, Марта. Спасибо тебе.

– До встречи, Сара.

Задумалась о разговоре Марта, задумалась о Саре, ей непонятно её равнодушие, даже чёрствость, знала её, как всегда отзывчивую к чужим несчастьям, а вот Антона не пожалела, но смилостивилась, согласилась приехать.

Встречая на вокзале Сару, Марта вспоминала, что давненько она не виделась с подругой, разошлись их пути-дороги, разъехались в разные стороны, за мужьями как нитки за иголкой, потянулись одна в Вильнюс, другая в Нарву. Но Марта не забывала Сару, скорее её участие в ту пору, когда приехали они с мужем молодыми специалистами в город на Севере, для Сары и Антона родной, а ей с Мишей негде было голову приклонить. Отец Сары был главным снабженцем всего города, и нужды, пока он был жив, их семья не ведала. В красиво обустроенной квартире началась семейная жизнь Сары и Антона, тогда как Михаил с

Мартой скитались по углам, им даже обещанного общежития на заводе не дали. Именно в тот безысходный час помогла им Сара, дала ключи от своей квартиры, пустующей в тот момент, потому что сама она легла в больницу на сохранение ребёнка, куда к ней бегала благодарная Марта. Её распирало чувство абсолютной благодарности за оказанный приют в безнадежно бездомные дни. Благодарность по отношению к Саре больше никогда не покидала Марту и переросшая в привязанность лишь усиливалась, потому что в любую неурядицу Сара оказывалась рядом, и, пользуясь связями, помогала всегда и во всём.

Сегодня, ровно через пятнадцать минут они встретятся, и какой же будет эта встреча? Как не поверни у Сары горе, большое горе... И тут нельзя оставаться в стороне. Драма жизни ещё не конец, если есть хоть один бескорыстно любящий человек. Вчера с Михаилом навестили Антона в больнице, на вид он себя чувствовал неплохо, но признался, что теперь его больше угнетает обстановка, в которой вынужден быть. Палата, куда его определили большая, в ней шесть человек настоящих сумасшедших – это люди с повреждённым умом, которые не встречаются в обычной жизни. Антону страшно, и в то же время жалко безумцев. В их среде иные проблемы мельчают, перестают быть такими глобальными, тем более смертельными, пришло понимание и к Антону своих ошибок, и его невольно охватил ужас оттого, что натворил! Он впервые, как приехал в Калининград, улыбнулся, когда узнал, что к нему едут Сара с сыном. Фрукты у Михаила взял, сказав: «Угощу больных в палате, к ним почти никто не приходит, мне столько не надо. Глядя на них с ума сойти боюсь, страшусь невольно потерять рассудок». – Горе горькое, да и только! Марта, помня сострадательное сердце Сары, надеялась, что не оставит она Антона, что отношения между ними поменяются, даст Бог к лучшему, что не бросит она мужа в беде.

И вот на платформе появилась Сара с сыном, она мало изменилась, фигура её не пополнила, лицо не постарело, лишь раньше Сара не носила очки, которые теперь придавали ей несвойственную растерянность. Рядом был красавец сын, отца по росту не достиг, но тоже не маленький. Марта в гостиницу их не отпустила, все отправились к Пуховым, там и остались. Проговорили с Сарой до глубокой ночи, и на удивление подруги, Сара не скрывала своей отстранённости от Антона, нежелания входить в его положение и помогать ему.

– Ты, пойми, Марта, я совершенно успокоилась и уже привыкла обходиться без него, мне живётся хорошо – у меня много друзей, с которыми мне интересно, у меня дача, где я работаю в своё удовольствие, и там моё время идёт тихо, незаметно. Мне не нужно его ждать, подстраиваться под его настроение и думать, где и с кем он? Я не хочу менять свою жизнь, я в его беде не виновата, – на огорчение, написанное на лице Марты, добавила, – ну, ладно, не переживай, завтра встречусь с Антоном и будет видно что и как. Давай укладывай меня, надо поспать немного, и тебе с утра на работу. Рада видеть тебя, милая моя наивность.

Сара с трудом переступала через женскую обиду, и её сердце не рвалось мужу навстречу, скорее пугалось встречи с ним после вынужденной долгой разлуки, она вычеркнула его из своей жизни, как если бы похоронила, и совершенно успокоилась. Однако эта взбалмошная Марта устроила ей новые тревобления, требуя от неё невозможного, чтобы она вдруг стала – как ни в чём не бывало опять женой и в беде, и в радости, и в горе. Сара никогда не поминала мужу по-

любовницу, но и не забывала о ней никогда... Кто он, Антон, ей теперь, что она мчится на такси в больницу с названием, как клеймо на лоб? Тот ли длинный и неуклюжий мальчишка, с которым росли в одном дворе, в один класс ходили; тот ли, застёгнутый на все пуговицы скромняга юноша, с которым учились в одном городе Ленинграде, с ним первый поцелуй и первые утомительные ласки, потом замужество. Или тот мужчина, о котором думалось – вместе навеки, сомнений не было он тот – вторая половинка; а вышло тот, который ради развлечения предал. Помнится Саре – отрывала от сердца с кровью, не хотела мешать его счастью, а оно оказалось миражом,хватило Антона лишь на полгода, но по возвращению его домой, жизнь так и не наладилась, в одну воду дважды не войти. Последние целых три года Сару не интересовала его жизнь, зажила сама женщиной свободной и спокойной, как удав, никому и ничем не позволяя себя тревожить. И вот, как снег на голову, к концу лета несчастье с Антоном, и чувствует Сара – какой крутой вираж готовит ей судьба, а ведь считала, что не должна она больше мужу ничего ни в той, ни в этой жизни, не должна. Правда, Денис рядом, вот он точно испытывает горе за отца, это его сердце рвётся к нему, это он её взбаламутил и заставил ехать в Калининград, батю спасать! Их единственный сын, о котором батя эти годы не вспоминал, если и вспоминал – то изредка. Сара всё ещё сомневалась – надо ли было сюда приезжать? Разве Антону они нужны?

А в это время Антон, заснувший под утро после бессонницы, которая одолела его, несмотря на успокоительные уколы и капельницы, очнулся от громких голосов в палате, от возбуждённых криков соседа, с которым у Антона была общая тумбочка – мерило расстояния от койки до койки. Сосед опять ругался с умершим отцом, который по его словам не давал ему покоя, требуя очистить дорогу от бесов. Сосед размахивал руками, что-то стряхивал с себя будто бы на другого больного, а тот обиженно плакал:

– Зачем он свою гадость на меня сыпет? Мне самому мушки мешают, а он ещё с себя на меня... Помогите кто-нибудь!

Зажмурил плотнее глаза Антон, стиснул зубы, только бы не ввязываться в их крик и их боль, страхась уподобиться сумасшедшим, решил – надо просто взять книгу – читать, ни о чём не думая! А лучше не открывать глаз... отвернулся, думая про себя: – «Водку я любитель выпить, о бесах и Боге знать не знаю, ибо до мозга костей материалист, что видит глаз, то оно и есть. Но как меня на этот курорт угораздило? Как я попал на одну доску с безумцами? Читаю Пруста, чтоб вокруг ничего не видеть и не слышать речи свихнувшихся людей. Сегодня придут мои, Сара и Денис, так сказал Миша, вчера после работы заходил. Почему я с ним так напряжён, он ко мне я вижу со всей душой, а во мне отклика нет, даже наоборот? Неужели мои всё-таки приехали и я их сегодня увижу? Я рад, давно мечтал – хоть бы на них одним глазком поглядеть!»

В полутёмном длинном коридоре психбольницы, где вдоль стен расположились посетители и их нервнобольные родственники, где слышен многоголосый говор и изредка проходят люди в белых халатах, в ожидании Антона на лавке примостились Сара с Денисом, удерживая на коленях сумку набитую продуктами, фруктами и даже припасён туюсок с горячими котлетами. Невозможно было не заметить появившегося в проёме двери Антона ростом почти под потолок, прямого, как шест прыгуна, длинноногого в укороченном больничном белье и с шевелю-

рой рыжего цвета отросшей за время болезни – Денис тут же двинулся к отцу. Втроём они уселись в дальнем углу, и наступила длительная пауза, ведь никто из них не решался начать трудный разговор, трудный во всех отношениях. Молчание длилось, и если бы не глаза такие нужные, умеющие расспросить и рассказать, отозваться на муку состраданием и прощением.

– «Как ты?» – не выдержала Сара. – «Нормально». – «Как кормят?» – «Как-то кормят, мне всё равно, как».

– Батя, если бы с тобой что случилось, я бы жить не смог, – вскрикнул Денис, сжав отцовскую руку.

– А я и не смог без вас. Сара, я как тогда от вас ушёл, тут же и умер. И потом будто и не жил. Пустое время, которое пришло к логическому концу.

– В чём же здесь логика, Антон? Ведь ты это сделал не из-за нас.

– С вами я ничего бы подобного не совершил, поверь мне, Сара!

– Верю. Хотя совершил же другое... Но я не хочу о прошлом, бывшее быльём поросло. Надо жить дальше, и тебе, и нам, а как – я пока не знаю, ничего не решено. Главное, ты сейчас поправляйся и не думай о плохом.

– Я батю не брошу, – набычился Денис.

– Его никто и не бросает. По телефону оформлю на месяц отпуск, а дальше проживём – увидим. Мы пока у Миши с Мартой живём, принимают они нас, как родных, спасибо им за всё.

– Да, Мишка настоящий друг. Спас меня. И Марта не даром беспокоилась, говорила – не поверю тебе, пока Сара не приедет. Вот ты и приехала.

– Неужели, надо было доводить до крайности? Хорошо, что всё обошлось. Как там у вас в палате, не очень скверно? – поинтересовалась Сара.

– Очень. И страшно. Здесь вообще больница страшная. Никогда не верил, что попаду к сумасшедшим, и ни отчего выходит не следует зарекаться. Один миг и ты уже по другую сторону, где ад, а жизнь жизнью не называется.

– Мы завтра опять придём к тебе. Ты скажи – что нужно принести. Всё ли есть необходимое у тебя?

– Всё есть, даже книга Пруста, Марта принесла, но мне она не даётся, то скучно, то непонятно. Читаю, стараюсь разобраться в сложных человеческих чувствах, вернее в их негласных побуждениях. Время идёт быстрее. Приходите ко мне, я вас очень буду ждать. Оказалось – я вас очень и очень люблю. – Последние слова Антон произнёс совсем тихо, но Сара разобрала и подумала: «Наверное, любишь, когда других не стало».

Антон, глядя на лёгкую поступь Сары, отметил, какой вольной она стала, раскованной и живой, человеком удовлетворённым собой и окружающим миром, не то, что он – похоронивший свои надежды и обещания, познавший собственное бессилие, где в кольце замкнутого пространства тупик и безысходность. – «Разве я имею право просить её свернуть с беспечной дороги на мой потерянный путь, растратить свою силу на меня? Нет, я могу только просить простить меня, простить совсем, чтобы не было между нами обид, я искуплю, если она позволит...»

Драма жизни ещё её не конец, если есть хоть один бескорыстно любящий тебя человек.